

МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

СЕРГЕЙ ЖАРКОВ

Сергей Жарков

**Маленькие человечки.
Сказочная повесть**

«Издательские решения»

Жарков С. А.

Маленькие человечки. Сказочная повесть / С. А. Жарков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509359-2

На страницах книги перед читателем оживает детский сказочный мир, где живут колдуны и волшебницы. Читатель вместе с маленькими героями повести переживает ангельское время детства, которое, закончившись, предстаёт перед ребёнком в виде желанного взрослого мира. Но яркие краски и детские ожидания от мира взрослых исчезают, а сказочный мир разрушается. Детям остаётся вырасти, а читателю — получать удовольствие от воспоминаний о собственном детстве.

ISBN 978-5-00-509359-2

© Жарков С. А.
© Издательские решения

Содержание

Маленькие человечки	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРОЛОГ	9
Сказка	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
Солнце	11
Поход	14
Мама	18
Дракон	23
Друзья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Маленькие человечки Сказочная повесть

Сергей Алексеевич Жарков

© Сергей Алексеевич Жарков, 2020

ISBN 978-5-0050-9359-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькие человечки
Сказочная повесть для взрослых

Москва, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, не совсем обычная. Я написал эту повесть много лет назад, не поверите, аж в 1998 году, только закончив учиться в Томском университете и проковырившись кризисные август-сентябрь у своего друга в Москве. В самом расцвете осени, в начале октября, когда южане собирают виноград и грецкие орехи, солят арбузы и точат ножи, чтобы на ноябрьские праздники зарезать поросенка, приехал я на кратковременную побывку к деду и бабушке в Ставропольский край, в станицу Горнозаводскую.

Три месяца – октябрь, ноябрь и декабрь – с утра я занимался легкими сельхозработами: кормил скотину, поросенка, уток да кур, убирал стайки, собирал куриные яйца, когда надо, что-то колотил и мастерил по хозяйству. Потом подметал двор, собирал опавшие за ночь орехи, сбивал остатки плодов с огромной, раскидистой, на треть сада, груши. А после обильного завтрака, часов в 11 утра, когда дед с бабушкой укладывались отдохнуть, я садился за повесть и писал ее, глядя в окно, на деревенскую станичную улочку, где неспешно прохаживались старики да старухи, да редко когда пройдет, оглядываясь по сторонам, молодая полнокровная крутобедрая казачка. Да протарахтит какой-нибудь древний мотороллер-муравей с заехавшим из Прохладного цыганом, скупающим свинину у пожилых казаков.

На обед бабушка варила свой знаменитый, лучший в мире, борщ да пекла гору серебристо-коричневых свиных котлет. И я съедал огромную тарелку – размером с озеро – бордово-красного борща, пахнущего сочным, еще бегавшим утром по двору утиным мясом с тающим, как шагреневая кожа, белым островом деревенской сметаны, сквозь которую проглядывали горячие пузыри утинового жира. Заедал я это удовольствие настоящим казацким, высоким колхозным белым хлебом (другого в тех местах не признают), закусывая пятком свиных котлет на деревенских же куриных яичках и хлебном мякише, запивая двумя стаканами свежайшей, ну вот пару месяцев как сготовленной, медновато-красной, щиплющей за язык, нёбо и все, что у тебя есть, кислинкою, вишневкой. И сразу вровень: первый граненый стакан выпивал я в один присест, чтобы почувствовать вишневку всю, и отдавшись ее мутному звенящему туману, вволю хлебать борщ, заедая его котлетами. А второй стакан – уже в два захода: первый – на половине борща, когда ты жирными котлетными пальцами выбираешь из середины тарелки мятновато-серую волокнистую мякоть утятин, а вторую – когда съедено уже все... и я, выпив, немедля отваливался на древний скрипучий диван, стоявший на летней кухне, и спал кряду, наверное, часа два... а потом просыпался, играл со стариками в дурака часа полтора и снова садился за повесть.

О чем же она? Читатель, прочитавший мою первую вещь, «Москва навсегда», будет, может быть, искать в сегодняшней повести женщин, бурных семейных и карьерных коллизий и современных драм, ничего этого не найдет и, быть может, поначалу будет разочарован. Но дай бог, рассчитавшись, увидит в книге собственное детство, время, когда все мы были ангелами, жившими в мире живых сказок; воспоминания о родителях, первых друзьях и, конечно, о первой любви, так внезапно приходившей к нам, еще совсем мальчишкам и девчонкам.

Но потом все в жизни вдруг меняется, и ты оказываешься в новом, совершенно чуждом для тебя мире школы, твое детство заканчивается, а ангел, живший в сказочном мире грез и детских фантазий, превращается в школьника. Перед ребенком фантастически огромный и не связанный уже с родителями мир взрослых, но и детского мира, мира сказки, живых сказочных существ, для нас, школьников, более уже не существует...

Я точно знал, что напишу эту повесть, после того как однажды, на пятом курсе университета мне приснился мой ближайший друг детства, Олег Полетаев. Он погиб в автокатастрофе лет за пять до того, как пришел ко мне во сне. Повесть «Маленькие человечки» – книга о нашей дружбе, о том, что пока я жив, никогда не забуду своего друга.

ПРОЛОГ

Сказка

– Я расскажу тебе сказку, дочка.

Далеко-далеко, в Стране двух гор, в деревянном домике жила маленькая девочка. Девочка жила совсем одна. Папу и маму девочки съело огромное, страшное Чудище. Оно хотело съесть и девочку, но та была такая маленькая, что Чудище решило подождать, пока девочка подрастёт, чтобы потом уже и съесть ее.

Чудище жило на вершине старого дерева, которое росло на одной из двух гор. У Чудища было свое гнездо, сделанное из веток и костей съеденных им зверей и птиц. Но Чудище любило есть и ягоды. Оно могло очень долго питаться ягодами и травой, но, когда ему хотелось побегать, оно гонялось за зверями или птицами и съедало их.

Звали девочку Нара.

Каждый день Чудище приносило хлебные зёрна и оставляло их перед дверью домика, в котором жила девочка. Чудище не хотело встречаться с девочкой. А девочка ходила в лес и собирала там ягоды и грибы, которые когда-то она собирала вместе с мамой, теперь же ей приходилось искать их одной. Девочка собирала в лесу сухие ветки, чтобы растопить печь. Раньше она собирала их вместе с папой, а теперь ей приходилось топить печь самой. Нара часто вспоминала маму и папу и плакала. Но постепенно мама и папа забывались ею, превращаясь в добрых ангелов, живущих на небе и посылающих ей каждый день хлебные зёрна под дверь.

Чудище по-прежнему оставалось невидимым и продолжало оставлять зёрна, которые оно добывало на человеческих полях, находившихся далеко-далеко от Страны двух гор. На своих огромных и сильных лапах оно пробегало через леса и поля, горы и реки очень-очень быстро.

Однажды, когда Чудище в очередной раз пришло оставить хлебные зёрна под дверь, Нара увидела его. Она сильно испугалась.

– Кто ты? – спросила девочка. – Тебя посылают мои мама и папа, чтобы кормить меня?

Чудище, услышав прекрасный голос маленькой девочки, вдруг заревело во всё свое огромное горло и бросилось в лес.

– Пстой, Чудище, пстой! – страх Нары прошел, она побежала догонять его, и оно остановилось.

– Пожалуйста, Чудище, отнеси меня к маме и папе, мне плохо одной.

В голосе девочки тоже были слёзы. Чудище подставило Наре свою сильную шею и отнесло её к людям.

И вот Нара стала взрослой, и у неё родились дети, которым она рассказывала сказку о добром Чудище, живущем в далекой Стране двух гор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Солнце

Солнце – ярко-жёлтый шар, растекающийся всё светлеющими оттенками слепяще-жёлтого – встало в центре восточного полукруга утреннего, пронзительно голубого летнего неба. Солнечные лучи в мгновение, насквозь пробивая ясную воздушную хладь, долетали до зеленой летней земли и, не спрашивая ни у кого, будили людей.

«Лето, – мелькнуло внутри Алёши. – Сегодня идём с мальчишками смотреть школу, ура!»

На часах было только восемь утра, но Алёша больше не мог спать. Летние солнечные лучи, отсутствие всех дома, ожидание будущего похода до школы со старшими, с Димкой Шульцем из второго подъезда, закончившим уже второй класс, и неотступная череда других мыслей о будущем – о школе! – тревожили Алёшу, беспокоили его, заставляя вставать с постели.

Постель он обычно не заправлял, оставляя это делать маме, приходившей в час дня на обед. «Потом, потом», – обыкновенно думал Алёша. Но потом вдруг заходил сосед, Серёжка Лиходедов, и звал Алёшку быстрее на улицу, на болотную лужу недалеко от их дома ловить лягушек. Но не сегодня. В день такого большого похода – а до сегодняшнего дня Алёша без родителей не бывал нигде дальше продуктового магазина «Белочка» – Алёша твердо

решил убрать постель: «Чтобы мама увидела постель заправленной, а мы уже будем далеко».

На столе стоял завтрак. Хлеб с маслом, чай, с утра вскипяченный мамой и ещё горячий, вареное вкрутую яйцо (вкрутую Алёша не любил, но сегодня съел. Опять же, чтоб не беспокоились) и две конфеты. Он съел завтрак. Однако часы показывали лишь половину девятого утра, и к Олегу – наилучшему другу – идти было рано. Олежка всегда спал часов до десяти. «Что же делать?». Алёша с час повозился с игрушками, и хотя на часах было только без двадцати, он не вытерпел. «Все. Может быть, проснулся. Ведь сегодня такой день! Мы ведь вместе пойдём!».

– Алёша, Олежка ещё спит, зайди попозже, – с чуть строгой интонацией сказала тетя Люба, Олежкина мама, очень добрая и очень красивая обычно, но вот такая вот, как сейчас, строгая по утрам.

«Ну что ж, пойду на Детскую, пока он спит». Алёша вышел из подъезда и повернул налево, за угол. Их подъезд, Алёшин и Олежкин, был первый, ближайший к дороге. На детской площадке ещё никого не было.

Детская площадка располагалась меж двух пятиэтажных домов, соединенных между собой кирпичной одноэтажной «кишкой».

– Привет.

Алёшино раздумье прервал Вторушин Славка, рябоватый, светло-рыжий и до невозможности худой и высокий мальчишка, живший во втором подъезде.

– Привет, – хмуро ответил ему Алёша. Они не были дружны со Славкой. Общее, что связывало их, – это Олег. Меж ними было неявное соперничество за дружбу с Олегом, где более сильный и сосед по подъезду – Алёша – побеждал... Но сейчас их свело одно – они были совершенно одни во дворе.

– А ты что?

– Я заходил вот только что к Олегу, а он ещё спит.

– Я тоже. Засоня он, – чуть обиженно сказал Алёша. – А ты... – Алёша задумался, что спросить.

– Да вот сейчас скоро десять, пойду в столовую с большими пацанами. И с Сергеем Алифановым, – Славка показал бледный «пятнарик».

– Да-а?! – изумленно воскликнул Алёша. – А что вы там будете покупать?

– Я возьму чай, хлеб с маслом и яйцо. Знаешь как здорово.

– Да, Слав, я тоже с тобой хочу сходить, – ответил Алёша. – Пойдём к моей маме сходим за деньгами, а то у меня нет. И вместе пойдём.

– Ну пошли, – ответил рябой, тонкий Славка, – только быстрее, а то скоро откроется...

– Мы побежим.

Они только тронулись, как Славка спросил Алёшу:

– А далеко твоя мама работает?

– В книжном.

– А-а, ну тогда побежали.

Книжный магазин, где работала Алёшкина мама, был неподалеку. «А как она спросит: зачем? Что говорить?» – и только у Алёши мелькнуло это в голове, как он услышал голос: «Куда спешите, молодцы?!». Сзади шел дядя Вова Соколов, друг Алёшкиного папы и отец ещё одного Алёшиного одноклассника – Артёма. Артём был вместе с дядей Вовой.

Артёмка, мускулистый черноволосый мальчишка, не раз побеждал в драке пацанов на год и на два старше. Он был боевой, задорный. Правда, он совсем не умел читать, считал тоже очень плохо, но зато хорошо умел драться. Алёша играл с Артёмом, но тот чаще бегал с пацанами старше него. Артёмка молча стоял рядом с отцом и с улыбкой на смуглом лице смотрел на мальчишек. На веселый вопрос дяди Володи нельзя было не ответить улыбкой.

– Так куда ж вы собрались-то, а?! Чего молчишь, Алёша?

– Да мы к моей маме шли. За деньгами. Вон у Славы есть, – Алёша указал кивком головы в сторону шмыгающего Славки. – А у меня нет. Мы хотим в столовую сходить.

– А что ж вас дома, что ли, не кормят? – посмеиваясь, спросил дядя Володя.

– Да нет, кормят, – шурясь от солнца, а больше от неудобного вопроса, ответил Алёша.

– Ну, так вот вам 50 копеек, на двоих с Артёмкой, чего-нибудь купите себе. Слышишь, Артём?! На двоих. Понял? Бегите, – меняя чуть строгий, приказной тон, обращенный только к сыну, на вновь мягкий, с лаской ко всем, а в особенности к Алёше, проговорил дядя Володя и пошёл вдоль Детской, в ту же сторону, куда за минуту до этого бежали дети. Но только на остановку, на работу. Мальчишки мгновенно смотрели вслед уходящему дяде Володе, насмивающему: «Капитан, капитан, подтянитесь! Только смелым покоряются моря!...» – и побежали к столовой.

«Скоро ли откроется?» – думал Алёшка. Тут показались старшие во главе с Сергеем Алифановым. Алёша взглянул на всю четверку, но особенно на Сергея. Он был чуть худощав, для одиннадцати лет высок, в очках в светлой оправе. Сергей редко играл в футбол, в хоккей. О прятках тем более говорить нечего. Все слушали и смотрели на него, разинув рты. Даже некоторые взрослые. Умный, насмешливый, отличник, но не зануда. Он был гордостью школы. Вершина. И Алёша вместе с ним идёт в столовую!

Алёша заметил, что Артём, увидев старших, казалось, хотел отделаться от него, но Сергей Алифанов, подойдя к ним, бросил: «А, пацаны, привет. Что, в столовую? Пойдёмте с нами».

«Мы с ним! Мы с ним! Как здорово!» – радостно крутилось в Алёшиной голове.

– ещё, кажется, закрыто.

– Как закрыто? – Сергей собрался дергать дверь, как раздался её железный, внутренний скрип.

– Ну вот, а ты говоришь: закрыто, – засмеялся Сергей. Дверь изнутри открыли.

– Пойдём.

И они зашли и сели за стол.

У Артёма, Алёшки и Славки стояло по чаю, кусочку хлеба и вареному яйцу, сваренному так круто, что, если вспомнить домашнее, так оно, домашнее, и не крутое вовсе, а так, всмятку. Но это, столовское, когда рядом, за соседним столом, сидят старшие, Сергей Алифа-

нов, заходят люди и что-то покупают; продавщица улыбается и в зале ещё небольшой, холодно-вато-сыроватый сумрак, даром что на улице разгар летнего утра... – Здесь бывают свадьбы... – сказал Славка.

«...И чем-то пахнет вкусным: вареной курицей», – догадывается Алёша...

А в стекла витрины видна их Детская, ещё пустая. Дальше за ней дорога с мелькающими машинками, а меж дорогой и их домами – люди, куда-то спешащие... Такой завтрак вкуснее всех остальных.

– Здорово, Алёшка, да?! – отпивая чай, полуспросил и сам же ответил Артём.

– Угу. Да. Здорово.

Все поели. Старшие, Артём, Алёшка, Славка потянулись к выходу.

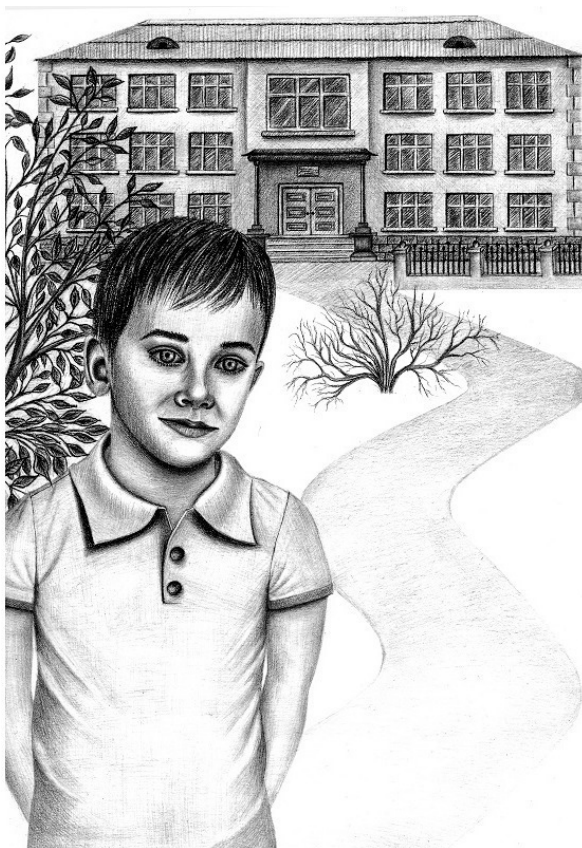
– Здорово, Артём, да. Надо каждый день ходить сюда, – Славка и Артём, весело переговариваясь, выходили из столовой, как Алёша услышал и почти одновременно увидел Олежку. «Ну, наконец-то проснулся», – мелькнуло у него в голове.

– Привет! – Олег, улыбаясь и размахивая полными руками, подошел к оставшемуся чуть в стороне от остальных Алёше.

– Привет, Олег, засоня.

А Олег улыбался в ответ и детским баском: «Хо-хо-хо!».

Олежка был лучшим Алёшиным другом. Да и Алёша тоже был лучшим другом Олега. Они любили друг друга дружеской мальчишеской любовью. Особенно Алёша. Так сильно сдружились они именно сейчас – в это последнее перед школой лето. Они любили вместе играть, вместе ходить «за дом», лазить по деревьям, вместе делать шпаги и вместе дразнить девочек и убегать потом от них. Но что же особенно сблизило их? Общее духовное стремление к поиску, фантазии, выдумыванию – у Алёши более напряженное и пламенное, у Олежки более воспринимающее и открытое. Так они стали самыми близкими друзьями и скрепили свою лучшую дружбу на веки веков.

Поход

– Что, идём? – обратился Димка Шульц к собравшимся мальчишкам.

– Идём, – ответил кто-то из них.

Димка, Алёшка, Олег, Артём, Игорь Бурнашов, Валерка Захаров – одноклассники Димки Шульца, он был из соседней пятиэтажки, а потому его знали хуже. Но Валерка играл за сборную дворовую команду по футболу и потому относился к авторитетам двора. Своим присутствием он делал экспедицию ещё более важной и притягательной.

Они обогнули дом и, пройдя вдоль трёх его подъездов, спустились к гаражам.

– Когда вырасту, куплю себе «Волгу» чёрную, – сказал Димка Шульц, проходя мимо гаражей.

– А я «Москвич», – ответил ему Артём (его отец, дядя Володя, собирался купить «Москвич»).

– «Волга» лучше, – сказал Димка.

– А я себе «Жигули» куплю, она красивее и быстрее всех, – вмешался в зарождающийся спор Олежка.

– Да, у «Жигулей» на спидометре 160 скорость. Она лучше всего. Даже лучше, чем «Волга», – авторитетно подытожил Валерка Захаров. Все с ним согласились.

Мальчишки прошли площадку, где стояли железные гаражи. Сегодня они не стали забираться на их крыши и играть в догонялки. Сегодня они шли к школе.

– Можно пройти до школы здесь, – Димка махнул рукой в сторону одного из немногих сохранившихся переулков, состоящего из деревянных домов. – Это переулок Полтавский, а можно пройти там, по пустырю, и там ещё дома, в которых никто не живёт.

– Это как? – спросил Игорь Бурнашов, крепкий, скорее даже полный мальчишка, любимчик старших пацанов. В их присутствии он позволял себе рыпаться на сверстников без опаски получить кондюлей. Но сегодня без их присутствия он был вровень со всеми.

– Это брошенные дома, из которых люди переехали в квартиры, как у тебя.

– А-а, – казалось, понял Игорь.

– Ну, пойдёмте там, по пустырю, – высказался за всех Алёша.

– Пойдёмте, – ответил Димка. – Только если идти по Полтавскому, можно прийти к птицефабрике и набрать там маленьких цыплят. Я там был.

Но сегодня мальчишки шли к школе. Другое их – будущих первоклашек, а ведь в основном это были они – сейчас интересовало мало.

Солнце было в зените и светило вовсю. Дети расстегнули рубашки и так шли.

– А скажи, Димка, – начал Олег, – тебе в школе нравится?

– А-ха, нравится. Увидишь так подавишься.

– Что, нет?

– Да что там хорошего. Придешь, тебя спрашивают. Не ответил – получаешь двойку. Получил двойку, её ставят в дневник. А потом дома тебя отец за неё ремнем лупит.

– А меня не будут бить, – сказал Игорь.

– Почему? – спросили его.

– Мама сказала, что я буду учиться на одни пятерки.

– Фу-у, – зафыркали сразу и Димка, и Валерка Захаров. – Пятё-ё-рошник. Будешь, как девочка. За ними вынужденно заулыбались остальные.

– А что? – недоумевающе спросил Игорь.

– Смотрите, а вон Вовка Авдеенок идёт, – прервал трудный для Игоря разговор Валерка Захаров. И правда. Навстречу мальчишкам по пыльной дороге в жёлтой футболке шел капитан дворовых футболистов Володя Авдеенок.

– Привет, пацаны, – Володя каждому пожал руку. Он был такой. Честный и благородный. Никто лучше него не соблюдал законы мальчишеского дворового братства. Ему было столько же лет, сколько и Сергею Алифанову, но они были совсем разные. Сергей Алифанов неизвестно где и на каких небесах. Сказать, что ты разговаривал с ним, – это значит стать героем дня у всего двора. С Володей не так. К Володе можно было подойти и спросить совета, как починить велик, хотя сам он уже ездил на мопеде (а у Алифанова Сергея мопеда не было); можно было попроситься играть с ним в футбол. Да мало ли. И Володя Авдеенок всегда готов был прийти на помощь, помочь, чем можно. Этим он был ближе мальчишкам. И был как-то по-настоящему вождь мальчишеского дворового племени.

Высокая, статная фигура Володи, чернявого, в жёлтой футболке, притянула к себе всё внимание.

– Куда собрались-то такой оравой? – улыбаясь, спросил он, обращаясь ко всем (что, опять же, редко; обычно ведь старшак обращается к самому авторитетному из младших).

– Да вот повел их, – тут Димка Шульц сделал покровительственный жест рукой в сторону остальной компании мальчишек; жест, однако, не включавший ни Валерку Захарова, ни Артёма, – показать, где школа. А то не знают.

– А, вон что, – ответил Володя. – Ну, так вот, пацаны, вам я ещё не говорил. Завтра будет отбор в команду, возьмем ещё двух человек. Вам уже скоро можно будет выступать на первенстве. Будем отбирать в запас.

«Ух, ты», – подумал каждый из мальчишек.

– Я точно попаду, – сказал Артём.

– Поглядим, – с улыбкой ответил ему Володя.

И точно, Артём хорошо водился с мячом, давал пас, у него был сильный удар. Из семи-леток он играл в футбол лучше всех. Футбольная тема, пожалуй, не касалась только Олежки. Он как-то без интереса играл в футбол. Да и вообще играл редко.

– Придём, – ответили мальчишки.

– До завтра, – высокий Володя зашагал в сторону дома, а мальчишки двинулись дальше. Мысли их потеряли единое направление, и говорили кто о чем, однако, приближаясь к пустырю, они вновь заговорили об одном.

– ...Заколебаешься каждый день таскать сменку.

– А что это? – перебил Димку Олежка.

– Это сменная обувь. Если забудешь, то пойдёшь домой за сменкой. А заодно схлопочешь пару за опоздание.

– А что-нибудь интересное есть?

– Да. Спортзал и турник. Знаешь, что на нем старшеклассники делают? Ни за что на свете так не сможешь. Вон Димка Дунай из шестого класса может крутить «солнышко» без страховок.

– Это как? – переспросил Димку кто-то.

– Это крутиться вокруг турника...

Алёша отвлекся и потерял нить разговора. Он задумался. По сторонам рос бурьян и ивняк. Огромные лопушины, покрытые влагой, жгучая крапива, забирающаяся в самые верховья носа своим гипнотизирующим запахом полынь, колючки, какие-то доски, палки, старые автошины, кто-то из мальчишек пнул по одной, и она издала булькающий звук. Видать, в ней ещё сохранилась вода после дождя. Заросли полыни, бурьяна и конопли в иных местах были таковы, что за ними не было видно горизонта. Бугристая тропинка то расширялась, то сужалась, скользя в некоторых местах своей невысыхающей, темно-серой грязью; раздваивалась и растраивалась, убегала в разные стороны, натываясь на груды гальки и щебня; пахла лягушками и пиявками.

«А я расскажу своей учительнице о бабушке, о папе, о маме. О том, как мы играем с Олежкой. О маленькой сестре Маринке. И может быть... ну, конечно, я расскажу ей про наш с Олежкой главный секрет, про лилипутов. Он согласится. Мы вместе его расскажем. Мы же вместе будем учиться». Эти мысли светлыми облаками порхали в Алёшиной голове. Он уже не слышал Димкиных замечаний насчет школьной жизни. Все они были оставлены им без внимания. У Алёши существовал свой образ школы – общего места, где все будут вместе учиться новому; где будут новые и незнакомые мальчишки и девчонки, которых он уже с интересом разглядывал. И, конечно, там будет учитель – взрослый, который приоткроет Алёше и его друзьям ворота в свой взрослый бесконечный мир. А Алёша в благодарность за это откроет учительнице свою главную тайну – тайну маленьких человечков... – Ну, вот она, школа. Вот мы и пришли. Все.

Алёша вынырнул из задумчивости. Перед мальчишками стояло огромное, в три этажа здание. Димка Шульц и ещё кто-то о чем-то заговорили. Чего-то опять обсуждали... А над детьми нависла серого кирпича громада школы.

«Вот она какая... школа... здорово!» Огромные окна школьных классов смотрели на Алёшу. Они были таинственно зашторены. Перед ними на земле ровные гряды цветных клумб, а на асфальтовом бульваре вокруг школы какие-то юидовские разметки.

– ...смотря, в какой класс попадешь, – слышался Димкин голос. – Я буду в «А».

– Я тоже...

«Я скоро буду в школе. Ура! Как здорово! Я буду ходить каждый день в этот огромный дом... он будет и моим, и общим. В школу! Ура! Скорей бы!»

– Ну что, нагладелись, а теперь пойдёте обратно. Она вам ещё надоест, эта школа.

– Ты знаешь, мама, – говорил Алёша, ложась в постель, укрывающей его маме. – Я сегодня был с мальчишками возле школы.

– Да? Ну и что, Алёша? – улыбаясь, спросила мама.

– Там так здорово! Мама, скорей бы в школу!

Мама

Алёшина мама была маленькой и хрупкой женщиной. Она была родом из забытой богом деревни, в которой была только начальная школа. Начиная с четвертого класса школьникам приходилось ходить в школу за пять километров пешком в ближайшее село.

Она не была, как сама говорила, слишком умна, и многие школьные предметы давались ей с трудом. Но русский, а в особенности литературу, мама любила и понимала. Как-то по-своему. Когда девчонкой могла убежать купаться на речку без родительского позволения или зимой катать с деревенскими мальчишками снежную бабу, совершенно забыв про существование книг. А потом ей на глаза попадалась книжка, и маленькая девочка с блестящими от изумления глазами брала ее. В чёрных глазах видно было удивление этим буквам, складывающимся в магию нового мира, открывающегося девочке в тишине и покое чуть скрипящего дивана, стоявшего в дальней, чистой комнате их деревянной избы.

Мама даже собиралась поступить в городской педагогический институт. И, наверное, поступила бы, ведь она была старательна и закончила школу с отличием, несмотря на то, что для этого ей пришлось зазубривать и математику, физику, и немецкий. Как-то однажды она, одна со всей школы, поехала с группой таких же отличников района в Москву – этот шумный и блестящий центр страны. Девушка боялась этой поездки, и это чувство осталось у неё от Москвы (еще, правда, она запомнила самолёт, метро и Красную площадь, от которой осталась памятная на всю жизнь фотография). И всё же Алёшина мама пошла учиться в педагогическое училище. Училище не так пугало ее, как институт. К тому же она училась вместе с такими же, приезжими из деревень девчонками.

В училище ей нравилось всё. Преподаватели, оказавшиеся мягкими и добрыми, за редким исключением, людьми. Уроки музыки, перешедшие потом в посещение городской филармонии, в которую сначала девчонок заставляли ходить почти насильно, а потом некоторым из них, в том числе и Алёшиной маме, стало нравиться бывать на концертах, классической музыки. Гимнастика, которой она стала заниматься и даже выигрывала городские соревнования.

А после училища мама уехала в свою деревню работать воспитательницей в детском саду. И она только раскрылась, только начала работать, как в её жизни появился Алёшин отец, приехавший в их деревню помогать собирать осенний урожай хлеба. С первой встречи они полюбили друг друга, но свадьбу пришлось отложить на два года, пока он не вернется из армии: этот статный мужчина с густой шевелюрой темных волос, с носом горбинкой и совершенно не пьющий, и к тому же державший у себя (вся деревня это знала) деньги всей бригады городских помощников – здоровых тридцати- и сорокалетних мужиков, отдававших ему деньги, чтобы не пропить, – оказался девятнадцатилетним юношей, ещё не служившим в армии. Но как только он вернулся, была сыграна свадьба, после которой, через девять месяцев, родился Алёша. Уже в городе.

Говорят, старший ребенок – это эксперимент неопытной матери: всё или ничего. Похоже, что подобное мнение невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить. Неизвестно, стал ли Алёша жертвой эксперимента, или его открытием. Но мама Алёши с каким-то неизрасходованным на детсадовских детей стремлением – стремлением поделиться тем, что она узнала, – растила Алёшу. С трёх лет они уже учили буквы, а к четырем Алёша уже стал читать. Наверное, он от мамы унаследовал то чувство изумления перед буквами, складывающимися в слова: такие известные, но такие незнакомые в книге. А когда все-таки прочтёшь слово – какой новый смысл обретает оно, могущее существовать вот как мама рядом; и как ма-ма – на бумаге. А потом приоткрывается сказочная страна многих слов, обрамленных в картинки и вырастающих внутри Алёши в сказки чудесного открытия.

Алёша временами обижался на маму; но какова эта обида – отказ от тарелки с супом во время обеда. Но потом мама возвращалась к нему, и они вместе вырезали, разукрашивали, лепили, читали, гуляли: он в коричневую с белым клеточку шортиках, в футболке с нарисованным на ней сказочным героем и в пилотке – Алёшиной гордости. А мама в белом ситцевом платье в чёрный горошек, с улыбкой больших чёрных глаз, в глубинах которых так и играл вопрос: чего, дружок?

Едва ли не первое воспоминание совсем крошечного Алёши. Ему три года. Мама и папа дарят ему книгу, и Алёша впервые открывает что-то, что находится за пределами его великого, сказочно-яркого маленького мира. Мама протягивает книгу Алёше, и он берет её своими маленькими ручонками.

– Мама, а это сказки? – спрашивает он.

– Да, Алёшенька, это стихи и сказки Пушкина.

Мама открывает титульный лист, и Алёша видит портрет поэта Александра Сергеевича Пушкина. Он курчавый, поэтический, с яркими пронзительными глазами, смотрит вперед...

– Мама, а где сейчас Пушкин? – спросил Алёша маму, держа бело-голубую красавицу-книгу с Царевной Лебедью на обложке в своих ручках.

– Он умер.

Крошечный Алёша не знает этого слова; он совсем не может представить себе, что же это такое – умер?

– Мама, а что это значит?

Мама чуть улыбается и, обдумывая, как бы объяснить Алёше значение сказанного, продолжает: «Это значит, Алёша, что он сейчас не живёт вместе с нами, как мы».

– А где же он, мама?

– Он в могиле, сынок. Он умер, – улыбка исчезает с маминого лица. Но Алёшино внимание уже рассыпается на тысячи ярких звезд, не способных ещё донести до мальчика значение этого слова – смерть, оставив только в маленьком человечке нераскрытым этот зудящий вопрос, на который он будет дальше доискиваться ответа, успокоившего бы его нервные звезды.

– Алёшенька, эта книга тебе в подарок от нас с папой.

Алёша бесконечно рад маме и папе. Мама показывает ему памятную надпись на первом, чистом листе книжки: «Нашему сыну Алёшеньке от папы и мамы. 6/I. 7..г». Папа стоит рядом и смотрит на сына. Папа громаден, он ростом выше потолка, и он радуется Алёше. – А теперь, сынок, ты тоже подпишись.

Мальчик с помощью мамы выводит первые в этом мире буквы – буквы своего имени.

Вечер. Чёрно-белый Пушкин смотрит на Алёшу. Мальчик лежит в своей постели, и к нему подсаживается мама. Она поправляет одеяло на Алёше. На улице январский мороз. Окна все сплошь покрыты изморозью: зимним, дремучим, хвойным серебряным лесом. Снег. Яркий свет торшера освещает красавицу-маму, листающую бело-голубую книжную лебедь. И вот мама начинает читать:

– Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя...

«Тя... тя...» – мелодичный мамин голос влетал в Алёшу, внося в него волны пушкинской поэзии... но Алёша не думал над этим, он слушал.

– Выпьем, добрая подружка

Бедной юности моей,

Выпьем с горя; где же кружка?

Сердцу будет веселей...

«Лей... Лей... Лешенька, спи», – мама рукою погладила сына по голове и выключила торшерный свет.

Так, в долгие зимние вечера после щиплющего мороза, снега, после связанных бабушкой пуховых рукавичек, холодных красавиц-снежинок, звездочками падающих на Алёшино пальто и на Алёшин язык, Алёша открывал мир любимой книги.

«Вот север, тучи нагоняя, Дохнул, завыл – и вот сама Идёт волшебница зима».

И маленький деревенский мальчик, везущий на санках свою собачку по снегу, точь-в-точь как папа, везущий мальчика на санках. Как здорово и быстро они разгонялись, а потом папа резко разворачивал санки, взрывая скрипящую радугу снега и обдавая смеющуюся маму вихрями снежинок.

И вот Пушкин – на картинке маленький, меньше, чем Алёшина ладошка, стоит на огромной горе и смотрит на другие горы, которые перед его восхищенным взором величественны и малы.

Пушкин-красавец стоит на горе.

«Кавказ подо мною. Один в вышине

Стою над снегами у края стремнины:

Орел, с отдаленной поднявшись вершины,

Парит неподвижно со мной наравне...»

Алёша с большим вниманием смотрит на эту картинку и на стихи, которые показывает ему мама.

– Дальше, мама, пожалуйста, – просит он.

– Завтра, Алёшенька, а сейчас...

Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады... и сказке-красавице дети так рады... и мама с улыбкой книжку берет, Алёше читает всю сказку вперед... Алёша уносился в мерное дыхание маминого чтения, в свою любимую сказку о царе Салтане и о князе Гвидоне, спасающем прекрасную Царевну Лебедь от когтей злого коршуна. Мама закрывает книгу.

Алёша спит. Он растёт, понемногу становясь больше и больше, открывая другие книги и радуясь первым прочитанным без маминой помощи слогам, словам, предложениям, страницам и сказкам. Но эта мамина бело-голубая красавица, пушкинская Царевна Лебедь всегда будет лететь рядом с ним, а он всегда будет любить ее. Всегда, даже тогда, когда ему приходилось расставаться с ней на месяцы и годы и, казалось, забывать о ней... Всегда ровный свет её улыбки освещал Алёшину жизнь, внутренним светом окликался в нем: «Я есть, я рядом, я внутри тебя, я вовне тебя, я мир, я – ты...»

– Сейчас идём в гости к тете Нине, – мама стояла у зеркала и красила помадой губы.

«Ура!» – Алёше нравилось бывать в гостях у тети Нины и её семьи. Вместе с её сыном, который приходился Алёше троюродным братом, Алёша наверняка будет ходить в одну школу. А это очень хорошо, потому что с Денисом очень интересно и смешно. Алёше нравилось играть с ним. Денис был из другого двора, а значит, и из другого мира; но всё равно с ним было здорово.

Денис для семилетнего мальчика был высок, выше Алёши, наверное, на полголовы, но худощав. Он всё время делал что-то интересное и смешное. Иногда они с Алёшей могли нести всякую чепуху целый час и смеяться при этом до упаду; а потом вести умные, семилетние разговоры о будущем.

– Я буду снимать мультики, – говорил Денис, и Алёша верил этому. Потому что Денис уже рисовал свои фильмы в тетрадах – красивые и интересные; а ещё Денис умел здорово изображать самых разных людей и героев. Особенно Алёше нравилось то, как Денис показывает сыщика из любимой Алёшиной сказки «Бременские музыканты».

«Я гениальный сыщик, мне помощь не нужна, найду я даже прыщик на теле у слона! Эй, хоп!» Дениска сидел на стуле в отцовской шляпе, вокруг шеи обмотан чёрный шарф, а в руках игрушечный руль. Денис так умело открывал рот в такт песне и гармонически двигал плечами, руками и ногами, что Алёша даже немного пугался сходству брата с сыщиком. Потом Денис

брался играть на фортепиано, хотя, впрочем, сам он делал это редко; чаще всего только после того, как его попросит Алёша или заставит поиграть гостям тетя Нина.

– Какой у тебя любимый мультик, Алёшка? – спрашивал Денис.

– Про Гулливера и лилипутов, а твой?

– «Приключения капитана Врунгеля», – отвечает Денис и начинает напевать: «Мы бандито, гангстерито...». При этом Денис, размахивая руками и ногами, трясая длинной чёрной челкой и вращая большими чёрными глазами, движется на Алёшу. Алёша начинает смеяться и тоже движется на брата, но не так сценично и ловко. Мальчишки хватаются друг за друга и начинают бороться.

Алёша с мамой шли из гостей домой. Дома их ждал папа и маленькая трёхлетняя Маринка.

– Видишь, как хорошо Дениска играет на пианино, – говорила мама.

– Да-а-а... – отвечал Алёша. Ему нравилось, как брат играет на пианино, но... Алёше нравилось именно слушать, как играет Денис... Слушать. Алёше никогда не хотелось учиться этому. Алёше нравилось слушать музыку и песни. Алёша очень любил радио, откуда пели песни про Чунга-Чангу, голубой вагон, про улыбку, про то, как вместе весело шагать по просторам... Или проигрыватель с незабываемыми песнями Высоцкого, которого слушали родители: хриплый голос Высоцкого, поющий про жирафа, про мадонну-телефонистку, про тонущий корабль, чёрное золото, про горы, лучше которых нет ничего на свете. Алёша полюбил Высоцкого так, что потом сам стал просить папу или маму ставить пластинки...

– Смотри, мама, какая красивая птичка! – Алёша во все глаза глядел на разгуливающую по бульвару в двух метрах от них серенькую птичку, машущую хвостиком, которая нисколько не боялась людей.

– Мама, а почему её зовут трясогузка?

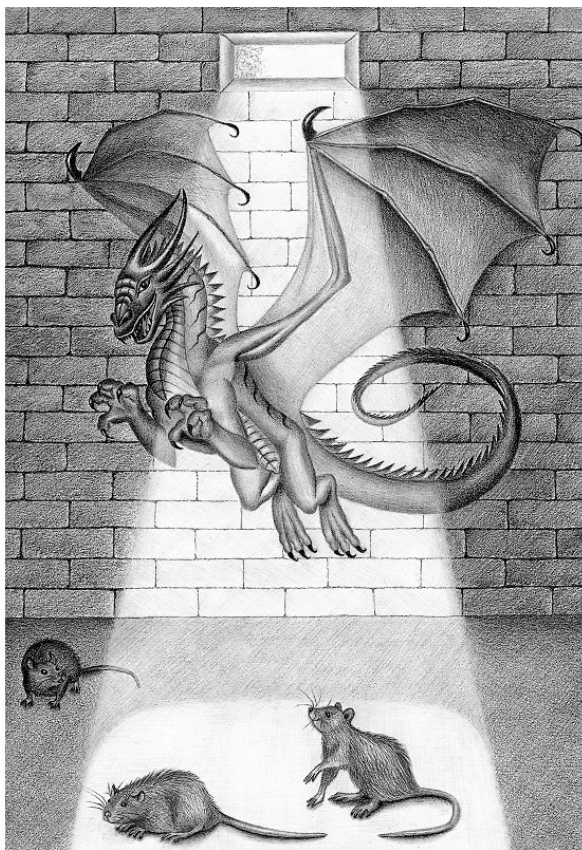
– Наверное, оттого, – говорила мама, – что она трясет хвостом.

Мимо прошла миловидная женщина, ведущая на ремешке шотландскую овчарку колли. Алёша обернулся и посмотрел ей вслед.

– Какая красивая собака. Мама, а мы с Олегом хотим стать лесниками.

– Да? – улыбнулась сыну мама.

– Да! Мы поедem в Уссурийскую тайгу охранять тигров. Они же записаны в Красную Книгу и могут исчезнуть с земли.

Дракон

– А тебе, Олежка, понравилась школа?

– Да-а! – восторженно ответил Олег. Мальчишки сидели у Олега дома и обсуждали вчерашний поход к школе.

– Мне очень понравилась дорога до школы. Заброшенные дома, по которым можно лазить, и кусты с ягодой.

– Да, Олежка. Ты знаешь, в этих домах, наверное, можно откопать клад.

– Точно! Нам нужно сходить.

– Нет. Сейчас идти рано. Когда мы пойдём в школу, а то могут понять.

Олежка согласился со своим другом.

– Быстрей бы пойти в школу, да, Алёш? – полумечтательно, полувопросительно проговорил он.

– Да-а! – ответил Алёша. Помолчав, он продолжил: – А как ты думаешь, мы сможем сказать учительнице про наш секрет?

– Про какой?

– Про самый главный!

– Про лилипутов?!

– Да, – ответил Алёша и с вопросительным ожиданием уставился на Олега.

– Не знаю, – ответил Олег. – А зачем?

– Ну, чтобы она нам про них больше рассказала. И чтобы она помогла нам их найти.

– Да, можем! А пойдём их сейчас поищем?!

– Пойдём!

Мальчишки быстро собрались.

– Ма-ам, я пошёл, – крикнул Олежка, захлопывая дверь.

– Только недолго, дети, – ответила тетя Люба.

Алёша и Олег выскочили на улицу. Там, как и вчера, светило большое солнце, но было уже не так жарко. Дул легкий пахучий ветерок. Кусты черемухи, шелестя в один голос с ветром, подгоняли мальчишек вперед.

Откуда взялся их главный секрет, из какой такой сказки? Но хранили его мальчишки пуще остальных своих секретов и тайн. У Олежки дома в красивой заграничной бутылке матового красного стекла хранились вещи, принадлежавшие лилипутам: несколько стеклянных разноцветных жемчужин, сломанное лезвие от перочинного ножичка, найденное Олежкой же возле входа в подвал, и огромное разноцветное перо, которое Олежка нашел в укромном уголке квартиры одной из его знакомых девчонок – Нины, дочки маминой подруги.

Секрет их – лилипуты – родился в огненной Алёшиной голове, был подхвачен Олежкой и, став их общей тайной, навечно объединил их ставшую особой дружбу. Даже потом, когда они вырастут и их пути разойдутся, в их глазах будут жить искры общей когда-то тайны. Олег, как они и хотели с Алёшей, встанет на путь лесничего, занявшись почвоведением. Алёша к 20 годам успеет и поучиться, и поработать киномехаником, автослесарем, разнорабочим. Но всё равно даже при случайной встрече друг с другом (а мальчишки лет с двенадцати жили в разных городских районах) их тайна – лилипуты – будет оставаться с ними. А потом, после трагического случая, произошедшего на 21-м году их жизни, Алёше приснится сон... но об этом позже.

– ...Сегодня, Алёша, пойдём искать их следы к «Белочке».

Они дошли до магазина и, остановившись поодаль от входа, стали глазеть на людей, а их сегодня было много. Народ шел в магазин со всех сторон. Оживленно шла торговля и за его пределами: старики и старухи пенсионеры торговали ягодой, грибами, шерстяными носками,

вязаными кофтами, семечками, орехами, ранетками, самодельными леденцами («Мне больше нравятся магазинные», – сказал Олежка. «Мне тоже» – поддержал Алёша), пирожками, книгами, зеленью, салом и картошкой.

– Ты любишь сало? – спросил Олежка Алёшу.

– Не очень, – ответил тот, – только бабушкино с Кавказа.

– А я люблю любое, – ответил Олег. Толчея возле магазина не прекращалась. Люди безостановочно сновали туда и сюда...

– Посторонись! – громко, на весь базар гаркнул грузчик, сидевший на корточках у края будки грузового молочного ГАЗа. Его глаза ласково-молодчески блестели, а от него самого пахло удивительной смесью запахов свежего хлеба, обувного крема, стружки, лука и ещё чего-то, соединяющего этот букет запахов в единый мужской тон.

– Здесь их, конечно, нету, – убежденно сказал Алёша.

– А я знаю, где они есть. Или точно были.

– Где?

– Возле магазина, где принимают бутылки, – ответил Олежка. – Я вчера там был с Литвиновым Женькой, и там точно их можно найти.

– Что?

– Пойдём, покажу.

Мальчишки зашли во двор «Белочки». Людей резко убавилось. Внутренний двор магазина был одновременно внутренним двором двух жилых домов, на первом этаже одного из которых и располагалась «Белочка». Там же находился магазин приема стеклотары, и там же было место, которое Олежка собирался показать Алёше.

– Вот, – Олежка показал на кучу мусора, состоящую из облетевших листьев, прелых досок, оберточной бумаги и ещё каких-то более мелких вещей, вроде осколков кирпичей и битых бутылок.

– Сразу видно, что вы здесь с Литвинчиком ходили, – как-то иронически отнесся к этой куче мусора Алёша. Но Олежка умел заражать настроением и обаянием своей широкой, по-детски распахнутой души. Через минуту Алёша и Олежка с великой сосредоточенностью рылись в мусорной куче в поисках следов лилипутов.

– Нашел! – своим баском воскликнул Олег. Он извлек из мусорной кучи желанную находку – большой медальон с хвостом оборванной цепочки. Самое интригующее в этом жёлтом, глянцевого, несмотря на затёртость, медальоне было то, что на нем была изображена морда коронованного льва, разевающего пасть, с огромными клыками, царской гривой и бешеными, устрашающими зрачками.

– Это их герб! Мы нашли их герб! – воскликнул Алёша.

– Ур-ра! Это я нашел! – воскликнул счастливый Олежка.

– Да! Мы!

– Мы! – вместе радовались мальчишки.

Дети счастливые возвращались домой. Они шли по обочине дороги, выводившей авто из внутренних дворов на большую городскую магистраль. Воздух вдруг стал душен. Небосклон подернуло поволокой, а над землей закружилась заблудшая ласточка. Мальчишкам в лицо ударил пронзительный поток пыли, поднявшийся от проехавшего мимо грузовика.

– Вот напылил! – досадливо бросил вслед грузовику Алёша и, оступившись, скользнул с дороги в небольшую придорожную яму. Он выдернул ногу, застрявшую меж двух досок, сандалия соскочила с Алёшиной ноги. Алёша нагнулся за ней, и тут... То, что открылось его глазам, поразило его.

– Олег! Иди сюда, быстрее! – закричал Алёша.

– Что там? – Олежка спрыгнул в яму, где сидел Алёша.

– Смотри!

– Вот это да!

Перед глазами детей лежал дракон, раскинув светлые, костистые крылья и оскалив клыкастую пасть. Он был совсем карликовый. Вся длина его тела была от детского локтя до запястья, ну может, до кончиков пальцев. Его оскаленный череп, свернутый вправо, смотрел безжизненными, угасшими глазницами в пустоту мертвящего никуда.

– Это дракон лилипутов!

Они летали на нем в битву против своих врагов – злых подвальных крыс, этих грязно-серых мерзавок, пугающих детские души и пожирающих здоровый детский сон. Лилипуты воевали с ними в подвале, летая на драконах и стреляя в крыс стрелами. А потом одна из них, молодая, ловкая крыса прыгнула с верхней канализационной трубы, сбросив Озара, впилась в горло дракону Мануэлю. Тот, почуяв на себе вес, далеко превосходящий его собственный, а главное – ядовитые зубы молодой крысы, метнулся резко в сторону и скинул страшного врага. Но потеряв высоту, Мануэль наткнулся на трубу с горячей водой. Раненый, он принял её за своего врага – молодую крысу, – и бросился на трубу. Озар снизу не успел его предупредить. Обоженный, раненый Мануэль полетел к стене, но вместо того попал в шахту, ведущую на утренний воздух. Дракон фыркнул в утреннее небо и почти тут же, через несколько мгновений, сбитый бампером автомобиля, упал в придорожную яму. Спустя секунду сердце Мануэля перестало биться. Он умер.

Мальчишки, совершенно ошарашенные увиденным, шли в сторону дома. То, что им открылось сейчас, снимало все дурацкие, глупые вопросы и в то же время задавало много новых вопросов, подталкивая с бесконечным, на всю жизнь, энтузиазмом поиску ответа на них. И они искали. Их маленькие детские головы и их растущие красные сердца, пораженные открытием, на всю жизнь обрели самую сильную человеческую страсть – страсть к поиску.

Друзья

На небосклоне собрались тучи – огромные, синие, надутые, прозрачные мешки, лопнув в одно мгновение над городом, вылили на него миллиарды ведер воды.

– Ура! Дождь!

Темно-синее небо достало до серого песка Детской. Ребятишки забрались под козырьки подъездов двух домов, под козырек столовой... Мгновение – и дождь со всего маху ударил по детской площадке. «Вот это дождь!» – блестели глаза детей.

Девчонки во главе со Светкой-Пипеткой, сняв сандалии, босиком и с визгом бросились под марево начинающегося ливня. Их визг уже приближался к козырьку противоположного дома и утих только под ним. А синие тучи на небе, вновь наполнившись паром, стали сталкиваться друг с другом – гром донесся до земной стороны.

– Гро-ом!!! – испуганно-восторженно кричали дети. Дождевая радость затихала на мокрых лицах и блестящих детских глазах; и вдруг раздался рокот – небо разорвалось на сотни частей, голубые зевовы акации на мгновение ока уничтожили его. Молния!!! И какая! Сильнейший синий дождь разрывал песочные насыпи, мокрая зелень кустов еле шевелилась под тяжестью многотонного осевшего неба, громовые раскаты сотрясали мир.

– Шаровая молния! – крикнул чей-то детский голос

– Где?! – испуг, волнение и любопытство овладело детьми. Они заметались по Детской, под неослабевающими потоками водного серебра. Мальчишки кинулись в сторону столовской витрины.

– Там! Там! Я видел шаровую молнию!

Самые любопытные и смелые бросились туда. Мелкие пятилетки уже шастали по молодым дождевым лужам. А те, кто постарше, собрались возле столовской витрины.

– Здесь она была, здесь! – кричал Димка Шульц своим суховатым, потрескивающим голосом. – Она пролетела вот так, сначала передо мной, а потом залетела мне в рубашку!

А дождь утихал; последние громы погромыхивали, замолкали; беззвучные изломы молний уже не вызвали сладостно-пугающего, восторженного поклонения. Многие детские души только что с радостью победили шаровую молнию. Дождь утих. Небо прояснилось, открылись радужные ворота. Жёлто-синее пятно образовалось у горизонта. Дети шлепали по пенистым молодым чёрным лужам. Побежали ручьи. Маленькие строители взялись возводить запруды; моряки в шортах, забравшись на палубы своих корабликов, поплыли по свежим речным ручейкам в огромную морскую лужу сиренево-чёрного отлива. В окнах замелькали лица пап и мам: «Сына, домой! Иди переоденься!», «Доча! Ты меня слышишь или нет?!».

Дети возвращались в сухой, чистой одежде. Пришёл летний вечер.

– Ну что, начнем! – Володя Авдеенок подбросил футбольный мяч вверх, и он, покрутившись юлой несколько мгновений в воздухе, упал на ещё не успевший до конца просохнуть, мокроватый песок.

– Кто первый?

– Давай я, – первым вышел Артёмка Соколов. – С кем мне водиться?

– С Димкой Шульцем и Игорем Бурнашом, – ответил Володя.

Артём, долгую минуту пробрасывая мяч, скатывая под себя и разнообразно финтя, таскал назначенных ему соперников по полю. Он, наконец, добрался до положенной Володиной отметки. Делал он это очень долго, но как красиво! Все пацаны засмотрелись на технику Артёма.

– Ладно, потом ещё посмотрим, как ты пробьешь, – сказал Артёмке Володя.

После дворового конкурса состоялась футбольная битва старших и младших. Капитаном у младших был Артёмка-Командор – это прозвище впоследствии закрепилось за ним. Младшие проиграли 1:5. Единственный гол забил Артёмка.

– Вы совсем не играете в пас, – объяснял им Володя. – С такой игрой вы не то что у нас, вы вообще ни у кого не выиграете.

Артём, ты же не один играешь...

– Да они не умеют!

– Ну как не умеют, – начал сердиться Володя. – Ты не должен быть единоличником, тебе любой футболист это скажет. И что вы, как бараны, по полю все вместе носитесь...

– Вот и я им говорю, – с обиженной интонацией в голосе перебил Володю Артём.

– Каждый должен играть на своем месте, – продолжал, уже успокоившись и не обращая на Артёмку внимания, Володя. – Вот ты, – он обратился к Алёшке, – будешь играть защитника. Ты хорошо отбираешь мяч; не бойся противника и как отберешь, сразу же выпинывай подальше, а лучше всего своим нападающим, понял?

– Да, – кивнул Алёша.

– Бурнаш, ты будешь тренироваться на запасного вратаря. Только тебе нужны кожаные перчатки, а то без них у тебя мяч будет всё время выскальзывать, как сегодня. Играть-то можем даже в дождь. Ладно. Сегодня все. С остальными в другой раз. Тренировка завтра в 11 часов.

«Тренировка завтра! Тренировка завтра! Я в команде! Меня взяли! Хотя и в запас. Я в команде...»

– Не понимаю, что попало этот футбол, – прервал Алёшины мысли Олежка. Сам он не стал участвовать в отборе в команду. Поиграв 10 минут за младших, Олежка ушел с поля и досматривал игру зрителем.

– Мне нравится, Олег. И к тому же скоро игра с командой Пуль-Пуля, а они вон как играют.

– Да всё равно тебя не выпустят. Будешь только в запасе сидеть. – А вдруг выпустят...

Образовавшуюся между друзьями размолвку прервал Женька Литвинов, появившийся из подъезда.

– Привет. А где вы были сегодня? Я вас искал.

– Ходили к «Белочке», – Олежка был ещё хмур.

– К «Белочке», – ухмыльнулся крепкий и смуглый, вечно загорелый Женька. – А я сегодня на чердак лазил.

– Да ну?! – ахнули Алёша и Олег. – Он же давно закрыт.

– Не для меня, – посмеивался Женька, доставая какой-то ржавый ключ. – Я тут ключ подобрал к замку. От меня захотели закрыть. Ха!

– Женька, пойдём щас на чердак, – начал Олежка.

– Да я уже был там...

– Я тебе потом дам сгущенки, – перебил его Олежка.

– Только, чур, целую банку!

Мальчишки оказались перед лестницей на чердак.

– Тсс! Тихо! Смотрите, чтоб никого не было, пока я буду открывать, – Женька полез на лестницу. Алёша и Олег озирались по сторонам. Замок скрипнул. Женька с трудом откинул люк и забрался в чёрную пустоту чердака. Мальчишки забрались за ним. Коричневые шлаки-розовые окатыши предательски потрескивали под ногами детей. На чердаке был душноватый коричневый сумрак, пыль и везде валялись голубиные перья с пометом.

– Пойдёмте, я покажу вам новые гнезда, в них появились птенчата, – заговорщически сказал Женька.

– Жень, а сколько их сейчас всего на чердаке? – спросил Олежка.

– Двенадцать.

– Ого! Уже больше десяти.

Женька отогнал воркующую голубку, и мальчишки увидели двух совсем ещё маленьких, слепых птенчиков. Яичная скорлупа лежала рядом с гнездом. Пахло голубиным пометом и перьями.

– Вот-те вы какие. Гули-гули-гули, – Женька потянул руки к голубятам.

– Женька, пока они ещё не оперились, их нельзя брать на руки, – сказал Олежка. – А то они могут умереть потом.

– Знаю, – Женька не стал их трогать. – Полезли на самую крышу, – предложил он.

– Полезли, – поддержали его мальчишки.

По волнистым буграм покато́го шифера и по железной ограде, за которой пятиэтажная пустота, разгуливали голуби. Мальчишки уселись на выступ чердачного окна. По шиферу разгуливать они не стремились. Он уже давно просох после дождя, но был вечер, клонило к спокойному разговору.

– Я однажды на этой ограде повис, и даже на одной руке. И вылез. И ничего. Главное, чтоб железка не сломалась.

– Да врёшь ты, – посмеиваясь, сказал Алёшка. – Ты ведь одного раза на турнике не подтянешься.

– Подтянусь, – без особой уверенности в голосе сказал Женька. Спорить не хотелось.

Мальчишки сидели и смотрели на крыши и окна соседних домов.

– Я что-то захотел есть, – первым очнулся Олежка. – Пойдёмте.

– Пойдём, – согласились с ним ребята. Они слезли с чердака Женькиного подъезда.

– Ну, до завтра.

– До завтра.

– Заходите завтра утром ко мне. У меня мамы не будет. Она с Вадиком в больницу поедет. А мы сгущенку сварим, – сказал Олег.

– Ну, ладно, пока. Мальчишки разбежались. Женька остался на улице. Алёша забежал на третий этаж. Постучал. Дверь открыл папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.